

Исторический источник как средство межtempоральной коммуникации: лингвистический аспект

Primary Sources as a Means of Intertemporal Communication: Linguistic Aspect

DOI: 10.12737/2587-9103-2025-13-1-7-14

Получено: 05 октября 2024 г. / Одобрено: 25 октября 2024 г. / Опубликовано: 26 февраля 2025 г.

А.П. Миньяр-Белоручева

Д-р филол. наук, профессор,
профессор кафедры иностранных языков
исторического факультета
МГУ имени М.В. Ломоносова,
e-mail: ostvera@mail.ru

А.Р. Minyaar-Beloroucheva

Ph.D. of Linguistics, Dr. Habil,
Department of Foreign Languages,
History Faculty,
Lomonosov Moscow State University,
e-mail: ostvera@mail.ru

Аннотация

В данной статье рассматривается роль исторических источников как темпорального средства коммуникации, связующего звена между прошлым, настоящим и будущим, позволяющего историкам познать историческое прошлое, посредством получения наиболее полной информации о событиях ушедших эпох посредством обращения к их представителям, явившимся непосредственными свидетелями происходившего и выразившим свое видение на страницах летописей. Актуальность данного исследования определяется ценностью информации, содержащейся в летописи, описываемые события в которой определили политику современного мира. Исторический источник, будучи ядром исторического исследования, отражает жизнь людей в историческом прошлом, что позволяет реконструировать события тысячелетней давности. Выбор исторических источников обширен и разнообразен, их анализ определяет качество историографической работы и степень заинтересованности историков. Одним из наиболее широко распространенных источников Средневековья является летопись. Цель данной работы заключается в выявлении особенностей передачи исторических событий, содержащихся в англоязычных первоисточниках, в частности, в средневековой летописи, и их передачи в современном историографическом дискурсе с лингвистических позиций.

Достижение поставленной цели потребовало обращения к ряду методов, включающих метод контекстуального анализа, описательно-аналитический метод, системно-культурный метод, метод классификации и метод сравнительно-сопоставительного анализа, метод этимологического анализа лексических единиц. Материалом исследования послужил современный историографический дискурс, синтезировавший источники и современные изыскания. В результате проведенного исследования была подтверждена роль языка как универсального средства коммуникации, позволяющего возродить в ментальном пространстве рецептиентов непрепретивные события, канувшие в Лету, понять их влияние на настоящее, установить, что изложение исторических событий средневековым летописцем и их интерпретация современным историком не характеризуются объективностью. Как летописец, так и историк не могут абстрагироваться от среды их окружающей и обязанностей, возложенных на них обстоятельствами их жизни, что позволяет говорить о дискурсивности исторических летописей, в которых четко прослеживается диахотомический подход «свой – чужой» к изложению событий минувших дней – базовой теме их коммуникации.

Ключевые слова: исторический источник, летописец, историк, язык, цитирование, реконструкция, события.

Abstract

The article examines the role of historical sources as a means of communication connecting the past, the present and the future, and providing historians with the possibility of studying the historical past by obtaining raw information and firsthand evidence of the bygone events. The relevance of this paper is determined by the value of the information contained in the medieval chronicles. Historical sources serve the foundation of the historical research fostering the reconstruction of the events that had occurred more than a thousand years before. As historical sources are diverse, their selection and analysis determine the quality of the historiographical work. A chronicle is one of the most reliable and widely used medieval sources. The objective of the paper is the featuring of rendering the historical events recorded in the Medieval Chronicle, and their presentation in historiographical discourse from the communicative view point. To achieve the objective it is necessary to use a number of methods, including the method of contextual analysis, descriptive-analytical method, systemic-cultural method, classification method, the methods of comparative and etymological analyses. The research material is a historiographical discourse consisting of primary and secondary sources. As a result of the conducted research, the role of language as a universal means of communication was confirmed. Due to language it is possible to reconstruct the events of the historical past connecting the people of the bygone years with those of the present. Neither the chronicler nor the historian can abstract from their milieu or overlook the responsibilities assigned to them. This very fact indicates the discursive nature of both historiography and chronicles, in which “a friend and a foe” approach to the presentation of the events of the historical past is clearly seen and is the basic topic of the chronicler, historian and their recipients communication.

Keywords: historical source, chronicler, historian, language, citation, reconstruction, events.

Введение

Коммуникация как неотъемлемая сущность человеческого бытия находится в фокусе современных научных исследований. Повышенный интерес к коммуникативной функции языка обусловил ее рассмотрение не только с позиций межкультурной коммуникации настоящего, но и прошлого, расширив темпоральные рамки коммуникативного пространства, являющегося, по сути, безграничным благодаря кумулятивной функции языка, который «хранит историческую память народа, обеспечивая диалог поколений не только из прошлого в настоящее, но и из настоящего в будущее» [12, с. 226]. В настоящее время все возрастающие «потребности мирового сообщества в интенсивной коммуникации удовлетворяются, прежде всего, в виртуальном пространстве» [3, с. 7], которое не ограничивается цифровой средой, охватившей все сферы жизни общества [4], но простирается вглубь веков благодаря дошедшему до нас письменным источникам, позволяющим историку наших дней не только погрузиться в иное культурно-историческое пространство, но и вести своеобразный диалог с прошлым, что составляет ткань исторического дискурса, порождающего новое знание.

Современный исторический дискурс как письменная форма речи, погруженная в жизнь прошлого, является полидискурсивным, гетерогенным, поликодовым по своей природе феноменом [11] и, подобно двуликуму Янусу, обращенному одновременно в прошлое и через настоящее в будущее, является способом воссоздания жизнедеятельности человечества в исторической событийной реальности. Историографические работы, базирующиеся на исторических источниках, которым отказано в дискурсивности, позволяют не только изучить конкретные события исторического прошлого, но и реконструировать их в свете новой парадигмы. Летописи, будучи одним из самых распространенных исторических источников Средневековья, предоставляют возможность современным историкам рассмотреть изложенные в них события с высоты последующих веков. При всеохватывающем анализе первоисточников события, описанные в летописи, приобретают новый смысл, значение, коннотации, значимые не только для восприятия исторической реальности конкретной страны, но и для интерпретации политических событий настоящего, переходящего в будущее. Изучение исторического источника как замкнутой системы, отражающей коммуникативные потребности конкретной эпохи, позволяет выявить особенности осмыслиения мира летописцем, работа которого является связующим звеном между эпохами, разделенными тысячелетиями. Иллюзия времени исчезает, когда современный историк открывает

летопись, погружаясь в описанный в ней фрагмент исторической действительности, ведет диалог с первоисточником [2]. Однако не все историки поддерживают данную точку зрения. В частности, А.Я. Гуревич отмечал, что, задавая вопрос в прошлое, историк не получает ответа из прошлого, а, сам того не замечая, отвечает на него [5]. Несомненно, работая с разными первоисточниками, историк, стремясь понять смысл скрытый в них, выстраивает коммуникативно-дискурсивную модель. Следует отметить, что знаковым событием для истории Англии VII в. является стремление к объединению семи королевств, правители которых в течение продолжительного времени находились в сложных взаимоотношениях, которое стало ключевой темой первых английских, написанных по-латыни, летописей, получивших название «хроники» или «анналы» в VIII в., служащих основным источником информации для историков последующих веков, вызывая вопросы, на которые они ищут ответы в других источниках.

Специфика летописи как исторического источника

Отличительная черта исторических источников заключается в том, что они редко бывают однозначными или нейтральными. Каждый первоисточник, созданный по правилам кодификации информации, характерной для определенной эпохи, интерпретирует события с учетом доминирующих в конкретный момент времени интересов. И, несмотря на то что летописи как важнейший исторический источник Средневековья были созданы в соответствии с существовавшими канонами, что делает их идентичными по композиционно-стилистической форме подачи материала, каждая из них имеет свои особенности, маркирующие отношение летописцев к излагаемым ими событиям. Лишенные индивидуальности, на первый взгляд, летописи были призваны выстроить восприятие непрерывности развития человеческого общества, которое медленно и неустанно шло по пути прогресса, поднимаясь по хронологической шкале в предвидении великих событий в будущем.

Историк всегда отдает предпочтение историческим источникам. Однако, прежде чем выдвигать гипотезы или предлагать глобальные интерпретации прошлого, основываясь на разнородных летописных материалах, историку необходимо извлечь из них информацию о конкретном событии или явлении, которое редко бывает изолированным и приобретает значимость в соотношении с другими событиями. Несмотря на стремление к избранности, ни одна средневековая летопись не в состоянии воспроизвести конкретное событие объективно и достоверно.

Летописцы не были свободны от обязательств, отражая в своих бессмертных трудах интересы конкретных лиц, что приводит к необходимости критически подходить к изучению информации, содержащейся в летописе и ее последующему воспроизведению и интерпретации в современном историографическом дискурсе, цель которого заключается в поисках истины, необходимой для конструирования единого исторического процесса. Онтологический статус языка является залогом межтимпоральной коммуникации, соотносящейся с потребностями конкретного времени. Для нивелирования когнитивного диссонанса, возникающего в результате гетерогенности ментальных пространств «собеседников» разных веков, историк создает пространство историографического дискурса, служащее мостом для встречи исторического прошлого и настоящего.

Анализ исторических источников

Как известно, общим для всех концепций коммуникации является идея передачи информации, которую, получая в одной части системы, транслируют в виде сообщения в ее другую часть. Это приводит к тому, что информация, содержащаяся в средневековой летописи, воспроизводится в современном историографическом дискурсе. Историки предполагают обращаться к авторитетным источникам, предлагая читателям свою версию произошедших событий, значимость которых, в зависимости от подачи материала учеными, оценивается его читателями, что приводит к тому, что исторические события подвергаются двойному процессу ретроспективной трансформации. «Первая трансформация происходит в момент фиксации исторического события или результата, когда из многих возможностей реализуется какая-то одна. Затем историк приступает к процессу реконструкции, в результате которого хаотичная для простого наблюдателя картина выходит из рук историка вторично организованной» [9, с. 34].

Историки XX в. в стремлении реконструировать события, относящиеся к семи английским королевствам VII в., опираются на труды Беда — *Bede* (672/673–735) — англосаксонского учёного-энциклопедиста, богослова, экзегета, историка; святого, учителя Западной церкви, о котором на протяжении веков сложилась память как о *Venerable* — «достопочтенном и удивительном учителе современности». Этую оценку монастыря королевства Нортумбрии получил в качестве благодарности за пятитомный труд век спустя после его написания по-латыни под названием *Historia ecclesiastica gentis Anglorum*, который был переведен на английский язык как *An Ecclesiastical History of the English People* и озаглавлен издательством

Penguin Classics как *A History of the English Church and People* [16]. В своем труде *Historia ecclesiastica gentis Anglorum*, завершенном к 730 г., Беда Достопочтенный повествует о сложных взаимоотношениях семи королей, каждый из которых на изломе веков боролся за господство над остальными королевствами, стремясь упразднить ротацию, но сохранить за собой право быть *Bretwalda*, или *over-king*, т.е. первым среди равных навеки. В процессе межтимпоральной коммуникации формируется понятийный аппарат исторической науки, происходит структурно-композиционное выстраивание историографического дискурса, позволяющее многоступенчатую передачу исторических событий. Помещая их в «упаковочные фразы», или «шифтеры», согласно Р. Барту, историк имеет возможность одновременно передать речь информанта и речь отсылающего к нему субъекта высказывания [1, с. 427–428].

В дискурсивном пространстве, созданном современным историком, происходит описание конкретного исторического события VII в., о котором он сообщает своим читателям со слов Беды Достопочтенного, о котором тот узнал из третьих уст, поскольку не был непосредственным свидетелем происходившего. Существует мнение, «что даже непосредственные свидетели события не способны объективно описать то, что наблюдали, так как, судя по всему, очевидец привносит в описание что-то от себя, а потом представляет это как впечатление от описанного события» [8, с. 48]. Современный историк передает этот эпизод в своем историографическом труде, считая его значимым. *Bede says that in 643 a monastery in Lindsey refused to receive the Northumbrian King Oswald's corpse, since although they knew that he was a holy man 'he had come from another province and had taken authority over them* [14, p. 61]. Сокращая коммуникационный разрыв между средневековым летописцем, писавшим по-латыни, и своими реципиентами, историк модернизирует текст, сообщая о возмущившем летописца событии на английском языке XX в. Короткая фраза характеризуется многосложностью подачи информации, поскольку историку необходимо донести до его реципиентов негодование летописца поведением монахов по отношению к человеку, которого он считал святым и героем. Беде Достопочтенному непонятна атмосфера ненависти, существовавшая в среде монахов королевства Линдси, завоеванного королем Нортумбрии Освальдом, которому они отказали в последнем пристанище на ставшей его земле, поскольку, будучи дальновидным и мудрым человеком, Беда Достопочтенный понимал, что, подчинив крохотное королевство более крупному и сильному, король Нортумбрии Освальд спас его от еще больших бед. Именно эту мысль хотел передать

современный историк читателям после виртуального общения со средневековым летописцем.

В VII в. два самых могущественных королевства — Нортумбрия и Мерсия — соперничали друг с другом за право первенства на Британских островах, создавая краткосрочные союзы с королями, поддерживавшими их. Несмотря на стремление к объективной передаче информации, в своих летописаниях Беда Достопочтенный из всех правителей Семицарствия VII в. явно выделяет короля Нортумбрии Освальда, будучи абсолютно уверенным в том, что именно он был призван не только объединить, но и возглавить этот союз. Однако в VIII в. даже самый проницательный летописец не смог предвидеть, что период Гептархии, начавшийся в V в., завершится в начале IX в., когда большая часть англосаксонских королевств окажется под властью короля Уэссекса Эгберта, и что окончательное объединение Англии завершится в 1066 г., когда Вильгельм, герцог Нормандский, установит свою власть и порядок на Туманном Альбионе, создав условия для последующего развития Английского королевства и превращения его в империю, над которой «никогда не заходило солнце» века спустя. Несомненно, подобный способ коммуникации является естественным для современных историков, когда один из коммуникантов лучше осведомлен, чем его *vis-a-vis*, но, тем не менее, ожидает получить ранее скрытую от него информацию.

Следует отметить, что современный историк с высоты XX в. в своем стремлении к объективности, стараясь дистанцироваться от средневекового летописца, выделяет его высказывание шифтером: *Bede says...* Историк по умолчанию согласен с Бедой Достопочтенным в необходимости объединения семи английских королевств, но оценка короля Освальда как '*holy man*' — «святого» вызывает у него сомнения, несмотря на то, что он осознает, что слова летописца обусловлены и объективируются его мировосприятием и окружающей средой. Для Беды Достопочтенного правители Нортумбрии *Edwin* — Эдвин (616–32) и *Oswald* — Освальд (633–42) были героями и святыми, поскольку, будучи летописцем королевства Нортумбрии, он не мог и помыслить, чтобы о его покровителях существовало иное мнение. Относясь с пониманием к оценке, данной Бедой Достопочтенным королям Нортумбрии, историк в XX в. пишет: *These are Bede's heroes, his models of victorious Christian kingship. It is with them that we first get a clear idea of relations between the English Kingdoms* [14, p. 61]. Значимость указанных правителей для истории Англии современный историк маркирует лексически и синтаксически, репрезентируя их как *Bede's heroes* — «герои Беды» и *models of victorious Christian kingship* — «образцы победоносного христианского братства». Подчеркивая от-

ношение Беды к ним, он не высказывает своего мнения о них. Несомненно, сложно спорить с летописцем, чей авторитет непререкаем на протяжении тысячелетий.

Служение королям Нортумбрии и посвящение своего труда королю Нортумбрии Кеолвульфу — *Ceolwulf of Northumbria* позволяет усомниться в объективности Беды Достопочтенного. Однако современный историк, не позволяя допустить возникновения даже тени сомнения у его читателей относительно оценки Достопочтенного Беды, данной королям Эдвину и Освальду, использует разорванную конструкцию — *cleft-phrase* "It is with them that...", которая в историографическом дискурсе занимает особое место. Значимость данной конструкции заключается в том, что без эпитетов и высоких фраз, при сохранении коннотативной нейтральности, она позволяет историкам поднять исторические личности на недосягаемую высоту, создав для читателей последующих веков атмосферу объективности и, следовательно, исторической реальности. Согласно Р. Барту, «в «объективной» истории «реальность» всегда представляет собой лишь неформулируемое означаемое, скрывающееся за кажущимся всемогуществом референта. Такой ситуацией характеризуется то, что можно назвать эффектом реальности. Устранение означаемого из «объективного» дискурса ради кажущегося прямого столкновения «реальности» с ее выражением все-таки создает новый смысл — ибо, повторим еще раз, в системе всякая нехватка элемента сама является значимой. Этот новый смысл — распространяющийся на всю протяженность исторического дискурса и в конечном счете определяющий для уровня его релевантности — есть сама реальность, незаметно превращенная в стыдливо-скрытное означаемое: исторический дискурс не следует реальности, а всего лишь обозначает ее, все время твердя «это было», хотя такое утверждение всякий раз может быть лишь означаемым — изнанкой всего исторического повествования в целом» [1, с. 439].

Создавая объективную картину исторического прошлого, историк обращается к первоисточникам, каждое слово которых летописец пропускает через свое сознание — характеризуя события и их участников, он определяет их место в последующей истории страны. Информация, содержащаяся в летописях, часто бывает «как бы «закодированной», а потому скрытой. Для ее «прочтения» и использования в историческом исследовании необходима дешифровка, своеобразное «снятие» прикрывающей ее системы изобразительных принципов и методов, присущих эпохе создания этих источников» [6, с. 133], что также относится к одному из аспектов

успешной имплицитной коммуникации представителей разных эпох. Поскольку речь идет о полилоге, состоящем из цепочки участников прошлого и настоящего, связующим звеном в которой является современный историк, то для донесения полноценной информации, содержащейся в следующей фразе: *Northumbrian expansion westwards led Mercia to make common cause with the Welsh. In 632 Cadwallon, Christian British king of Gwynedd, and Penda, pagan Anglo-Saxon king of Mercia, won a short-lived victory over Northumbria, but the following year Oswald recovered power and Cadwallon was killed* [14, p. 61], ему необходимо передать своим читателям дополнительные сведения об изучаемой эпохе, включающие культурные, религиозные, социальные и военные факторы. В данном фрагменте прослеживается негативное отношение Беды Достопочтенного к союзу христианского короля валлийцев Кадваллона Гвинедского с англосаксонским королем-язычником Пенду Мерсийским, которые объединились для борьбы с Нортумбрией. В 632 г. гвинедо-мерсийскому союзу удалось одержать победу над королем Нортумбрии Освальдом, который вернул свое королевство год спустя, убив короля Кадваллона, поданные которого, тем не менее, продолжали поддерживать короля Мерсии Пенду, который в 642 г. убил короля Освальда в битве при Мазерфельде, ныне Освестри, в Шропшире, стремясь подчинить и другие королевства: *The Welsh continued to support Penda, and in 642 Oswald was slain at Oswestry, campaigning far from home* [14, p. 61]. На протяжении VII–VIII вв. Мерсия, будучи самым могущественным англосаксонским королевством, была врагом не только королевства Нортумбрии, но и самого Беды, считавшего, что такой король, как язычник Пенда, стоял на пути обращения англосаксов в христианство.

Анализируя два фрагмента из истории Англии VII в., переданных со слов средневекового летописца и представленных в историографическом дискурсе современного историка, следует обратить особое внимание на выбор слов для сообщения о гибели двух королей, что позволяет выявить его отношение к означенным историческим личностям. Слова как часть культуры отражают реальный или исторический мир, раскрывают культурный код народа, характерный для конкретной эпохи, отношение летописца и современного историка к «угасшей жизни отдельных лиц и целых обществ» [Ключевский 1989, с. 406]. Следует подчеркнуть, что исторические личности и их «языковое оформление тесно связаны между собой» [7]. Историк постоянно прибегает к хеджированию, стремясь к объективности при презентации исторических личностей, историк может косвенно выразить свое отношения к ним посредством выбора слов даже для констатации их гибели. Лингвистический

анализ приведенных фрагментов свидетельствует о коннотативной гетерогенности слов, информирующих об утрате жизни означенных королей. Так, гибель короля Кадваллона номинирована словом *killed*, слово *slain* используется при сообщении о судьбе короля Освальда. Несмотря на то что лексические единицы *kill* и *slay* составляют один синонимический ряд, они передают разные оттенки случившегося. Глагол *slay* — гипоним гиперонима *kill*, означающий *to deprive of life*, подчеркивает убийство, совершенное с особой жестокостью — *slay implies killing with violence*, о чем свидетельствует и дошедшая до нас легенда. Это, вероятно, для Беды Достопочтенного было достаточным основанием, помимо сопутствующих экстралингвистических факторов, презентировать короля Освальда как *holy man* — «святого» в своих летописях.

Однако не все современники Беды Достопочтенного, включая историка наших дней, согласны с такой характеристикой короля Нортумбрии. Не споря с летописцем, историк XX в., подчеркивая воинственность короля Освальда, говорит, что он вел активные военные действия далеко за пределами своего королевства: *Oswald's lordship and military activities extended far outside Northumbria* [14, p. 61].

Воздерживаясь от категоричных оценок исторических событий или личностей, поскольку открывшиеся обстоятельства могут привести к смене их полярности, современный историк обращается к разным источникам для установления валидности оценки короля Освальда, данной ему Бедой Достопочтенным. Как правило, историк не может ограничиться одним культурным полем и, в зависимости от избранного им подхода к исследуемому материалу, имеет возможность сосредоточиться исключительно на горизонтальном срезе изучаемой эпохи, опустив диахронический (вертикальный) аспект, что позволяет ему на синхронном уровне проследить изменения, касающиеся всех обстоятельств интересующих его событий. В различных исторических источниках проявляются разные черты одних и тех же исторических личностей. В ранних валлийских поэмах представлена иная сторона истории, отличающаяся от той, которую изложил Беда Достопочтенный в летописи. Те исторические личности, которых он считал героями и святыми, их оппоненты воспринимали как агрессоров и захватчиков. В «Плаче по Синддилану», воину из Пови, который погиб, находясь на службе у короля Пенды, Нортумбрия представлена глазами британца: *A group of early Welsh poems give the other side of the story from Bede's: his heroes are their aggressors. In the lament for Cynddylan, a noble from Powy who seems to have died in*

Penda's service we glimpse the Northumbria through British eyes:

*My brothers slain at one stroke
Cynan, Cynddylan, Cynwrith,
Defending Trent, ravaged town
More common was blood on the field's face
Than ploughing of fallow
The hall of Cynddylan, dark is the roof,
Since the Saxon cut down
Powys's Cynddylan and Elfan...*

[14, p. 61–62].

В приведенном фрагменте поэтического первоисточника, автор которого является сторонником короля Мерсии, перечисляются имена героев, пожертвовавших своей жизнью, защищая союзников от армии короля Нортумбрии, сообщается о разоренных городах, полях, пропитанные кровью павших и вечной обители героев: «Мои братья убиты одним ударом Кинан, Синддилан, Синврит / Оборона Трента, разоренный город / Чаще кровь была на лице поля / Чем вспашка пашни / Чертог Синддилана, темная крыша /, С тех пор, как саксы срубили Синддилан и Эльфан из Поуса... Подчеркивая одержимость королей Нортумбрии подчинить королевство Мерсию, современный историк на основе информации, полученной в летописи, сообщает своим читателям о дальнейшей судьбе короля Мерсии Пенды и его королевстве: *In 655, Penda was defeated and killed by the Northumbrian Oswy, Bede's seventh over-king, who thereafter enjoyed great influence over the other kingdoms. None the less, the rising star was Mercia. The Mercian nobility soon expelled Oswy and chose Penda's son Wulfhere as their king. By the early 670s Wulfhere seems to have dominated the southern English kingdoms, and in 679 his successor won a victory at the Tyrent which finally ended Northumbrian expansionism* [14, p. 62]. Можно сказать, что современный историк весьма тактично вступает в виртуальную полемику с Бедой Достопочтенным, показывая, что, несмотря на его высокое мнение о королях Нортумбрии как о героях и святых, находящихся в состоянии военного противостояния со всеми королями Семицарства, они не привели к объединению английских королевств. Экспансионистской политике Нортумбрии был положен конец в битве при Тиренте в 679 г. Современный историк развенчивает миф о непредвзятости великого летописца, восхвалявшего короля Нортумбрии. Завершая эпизод, касающийся противостояния семи королей, современный историк благодаря летописи Беды Достопочтенного, вводит еще одного участника событий — короля Уэссекса Кэдваллу: *In the south, however Mercian power was abruptly checked by Caedwalla of Wessex, who annexed Kent, Surrey, and Sussex during*

his short reign of 685-8. Caedwalla and his successor Ine built up a resilience of power in Wessex which to determine the fate of England two centuries later [14, p. 62], который внезапно подорвал могущество Мерсии на юге, захватив во время своего короткого правления Кент, Суррей и Сассекс, а его преемник Ине посредством укрепления королевской власти создал в Уэссексе условия, определившие судьбу Англии три столетия спустя.

Следует отметить, что лексика как наиболее подвижная часть языка, благодаря которому история доносит до нас события ушедших времен, номинирующая понятия и явления, свойственные конкретной эпохе, проливает свет на образ жизни людей исторического прошлого. Однако в исследуемом историографическом дискурсе, посвященном Англии VII в., не наблюдается использования слов, характерных для Средневековья. Это объясняется тем, что основной источник, к которому обращался современный историк, был написан на латыни. Вместо того чтобы отправить своего читателя в прошлое посредством внесения в современный историографический дискурс лексических единиц, свойственных описываемой эпохе, т.е. исторических терминов или номенклатурных образований [10], историк использует иной прием. Он переносит лексические единицы современного английского языка, такие как *aggressor, expansionism, annex*, в историографический дискурс для описания событий исторического прошлого, переплетая их со свойственными описываемой эпохе антропонимами: *Cynddylan, Penda, Cynan, Cynddylan, Cynwrith, Cynddylan, Elfan, Cadwallon, Oswald, Oswy, Wulfhere, Wulfhere, Caedwalla, Ine*, чередуя их с топонимами: *Powys, Trent, Tyrent* и экстралингвистическими факторами, сообщая не только об их носителях, но и вызывая в ментальном пространстве рецептиентов ассоциации, связанные с ними, необходимые для создания атмосферы Англии Средних веков. События, относящиеся к VII в., современный историк передает своему читателю со слов средневекового летописца, показывая, как «различные эпохи в древнейшем языковом созидании образуют <...> различные ступени культуры в процессе развития человеческого духа, и язык <...> как нить воспоминания и традиции соединяет все народы друг с другом в их последовательности, создавая как бы общую память и великий орган воспоминания всего человеческого рода» [13, с. 364], создавая условия для успешной межtempоральной коммуникации.

Заключение

Подводя итог, следует отметить, что проанализированный эпизод из истории семи английских королевств VII в., помещенный в строго ограниченные

временные рамки, позволяет увидеть симпатии и антипатии средневекового летописца, узнать отношение историка XX в. к информации, содержащейся в летописи. Современный историк, во многом соглашаясь с Бедой Достопочтенным, описывающим стремление английских королей посредством силы оружия объединить королевства, создает нарратив, переходящий от одного знакового события к другому, переданных в хронологической последовательности. Акцентируя поступательный ход истории, не прерывая его экскурсом в глубокое прошлое или далекое будущее, современный историк, подчеркивая связь времен, показывает, что каждое историческое событие имеет свой коммуникативный сценарий. Первосточники безмолвны до тех пор, пока современные историки, обратившись к ним, не реанимируют их в своем историографическом дискурсе, возрождая посредством языка исторические личности и события, связанные с ними. Делая их почти осаждаемыми, современные историки презентируют их в своих научных трудах с позиций собственных пред-

ставлений об их месте на пьедестале истории. Летописи сохраняют и передают информацию о прошлом, позволяя историкам приблизиться к канувшему в Лету миру, не только понять, но почувствовать и представить жизнь людей в исторической реальности во всей ее сложности и многообразии, отразив ее в современном историографическом дискурсе, неотъемлемой составляющей которого является вербальный текст, представляющий собой с позиций коммуникативистики диалог историков прошлого и настоящего. Выстроенная современным историком межвременная коммуникация, осуществляемая посредством языка, позволяет реконструировать события исторического прошлого с опорой на исторические источники, включающие не только летописи, но и поэтические произведения. В процессе межвременной коммуникации создается исторический конструкт, формирующий образ прошлого, основу которого составляют реальные события и факты, воспринимаемые с учетом политических интересов современности.

Литература

1. Барт Р. Дискурс истории [Текст] / Р. Барт // Система моды. Статьи по семиотике культуры. — М.: Изд-во им. Сабашниковых, 2003. — С. 427–441.
2. Блок М. Апология истории или Ремесло историка [Текст] / М. Блок. — М.: Наука, 1986. — 254 с.
3. Гойхман О.Я. Коммуникативистика: миссия выполнима [Текст] / О.Я. Гойхман // Научные исследования и разработки: современная коммуникативистика. — 2019. — Т. 38. — № 38. — С. 7–10.
4. Гончарова Л.М. Профессиональная коммуникация в ракурсе вопросов современной коммуникативистики: вызовы и задачи в условиях цифровизации и пандемии [Текст] / Л.М. Гончарова // Научные исследования и разработки. Современная коммуникативистика. — 2021. — Т. 10. — № 3. — С. 5–10.
5. Гуревич А.Я. Избранные труды. Т. 2. Средневековый мир [Текст] / А.Я. Гуревич. — М.-СПб.: Университетская книга, 1999. — 560 с.
6. Ковальченко И.Д. Методы исторического исследования [Текст] / И.Д. Ковальченко. — 2-е изд. — М.: Наука, 2003. — 485 с.
7. Козелек Р. Можем ли мы распоряжаться историей? (Из книги «Прошедшее будущее. К вопросу о семантике исторического времени») [Текст] / Р. Козелек. — URL: <http://www.strana-oz.ru/2004/5> (дата обращения: 19.08.2024).
8. Липпман У. Общественное мнение [Текст] / У. Липпман. — М.: АСТ, 2023. — 392 с.
9. Лотман Ю.М. Сборник работ (Ю.М. Лотман и тартуско-московская семиотическая школа) [Текст] / Ю.М. Лотман. — М.: Гнозис, 1994. — 560 с.
10. Миньяр-Белоручева А.П. О сходстве и различии терминов и номенклатурных образований [Текст] / А.П. Миньяр-Белоручева // Вестник Чувашского университета. — 2014. — № 4. — С. 166–170.
11. Миньяр-Белоручева А.П. Особенности поликодового исторического дискурса [Текст] / А.П. Миньяр-Белоручева // Вестник Московского университета. Серия 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация. — 2023. — № 4. — С. 38–49.

12. Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты [Текст] / В.Н. Телия. 1996. — М.: Школа «Яз. рус. культуры». — 288 с.
13. Шлегель Ф. Философия языка и слова [Текст] / Ф. Шлегель // Эстетика, философия, критика. — М.: Искусство, 1983. — С. 364–385.
14. Morgan K.O. (ed.) The Oxford Illustrated History of Britain. Oxford. New York: Oxford University Press, 1996. 646 p.
15. English Language Usage. URL: <https://english.stackexchange.com> (accessed: 04.06.2024).
16. Rees N. Who was the Venerable Bede and why is he important? URL: <https://www.christiantoday.com/article/who.was.the.venerable.bede.and.why.is.he.important/140400.htm> (accessed: 08.06.2024)
17. Online etymology dictionary. URL: <https://www.etymonline.com> (accessed: 10.06.2024).

References

1. Barthes R. Diskurs istorii [The discourse of History] // Sistema mody. Stati po semiotike kultury. M.: Izdatelstvo im. Sabashnikovykh, 2003, pp. 427–441. (In Rus.)
2. Bloch M. 1986. Apologija istorii ili Remeslo istorika [Apology of history or the craft of the historian]. Moscow: Nauka, 1986. 254 p. (In Rus.)
3. Goykhman O.Ya. Kommunikativistika: missiya vypolnima [Communication science: the mission is feasible] // Nauchnye issledovaniya i razrabotki: sovremenennaya kommunikativistika [Scientific research and development. Modern communication science]. 2019, v. 38, no. 38, pp. 7–10. (In Rus.)
4. Goncharova L.M. Professional'naya kommunikatsiya v rakurse voprosov sovremennoy kommunikativistiki: vyzovy i zadachi v usloviyakh tsifrovizatsii i pandemii [Professional communication from the perspective of issues of modern communication science: challenges and tasks in the context of digitalization and pandemic]. Nauchnye issledovaniya i razrabotki. Sovremennaya kommunikativistika [Scientific research and development. Modern communication science], 2021, v. 10, i. 3, pp. 5–10. (In Rus.)

5. Gurevich A.Ya. Izbrannyye trudy. T. 2. Srednevekovyy mir [Selected works. Vol. 2. The Medieval World]. M.-SPb.: Universitetskaya kniga, 1999. 560 p. (In Rus.)
6. Kovalchenko I.D. Metody istoricheskogo issledovaniya [Methods of historical research]. 2-e izd. M.: Nauka, 2003. 485 s. (In Rus.)
7. Koselleck R. Mozhem li my rasporyazhat'sja istoriej? (Iz knigi «Proshedshee budushhee. K voprosu o semantike istoricheskogo vremeni») [Can we control history? (From the book "Past future. On the question of the semantics of historical time")]. URL: <http://www.strana-oz.ru/2004/5> (accessed: 19.08.2024). (In Rus.)
8. Lippmann W. Obshchestvennoe mnenie [Public opinion]. M.: AST, 2023. 392 s.
9. Lotman Yu.M. Sbornik rabot (Yu.M. Lotman i tartusko-moskovskaya semioticheskaya shkola) [Collection of works (Y.M. Lotman and the Tartu-Moscow Semiotic school)]. M.: Gnozis, 1994. 560 s. (In Rus.)
10. Minyar-Belorucheva A.P. O sxodstve i razlichii terminov i nomenklaturnyx obrazovanij [On similarities and differences of terminology and nomina] // Chuvash University Bulletin, 2014, no. 4, pp. 166–170. (In Rus.)
11. Minyar-Belorucheva A.P. Osobennosti polikodovogo istoricheskogo diskursa [Polycode Historical Discourse Features] // Moscow State University Bulletin. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication, 2023, no. 4, pp. 38–49. (In Rus.)
12. Teliya V.N. Russkaya frazeologiya. Semanticheskij, pragmaticheskij i lingvokul'turologicheskij aspekty [Russian phraseology. Semantic, pragmatic and linguocultural aspects]. 1996. M.: Shkola «Yaz. rus. kul'tury». 288 p. (In Rus.)
13. Schlegel F. Filosofiya yazy'ka i slova [Philosophy of language and words] // E'stetika, filosofiya, kritika. M.: Iskusstvo, 1983. S. 364–38. (In Rus.)
14. Morgan K.O. (ed.) The Oxford Illastrated History of Britain. Oxford, New York: Oxford University Press, 1996. 646 p.
15. English Language Usage. URL: <https://english.stackexchange.com> (accessed: 04.06. 2024).
16. Rees N. Who was the Venerable Bede and why is he important? URL: <https://www.christiantoday.com/article/who.was.the.venerable.bede.and.why.is.he.important/140400.htm> (accessed: 08.06. 2024).
17. Online etymology dictionary. URL: <https://www.etymonline.com> (accessed: 10.06. 2024).